

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 496-28-62; E-mail: rostovtsev2005@mail.ru

В статье на основании широкого круга источников и литературы проводится реконструкция истории революционных коммемораций в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. – празднований университетских годовщин, Дня отмены крепостного права, чествований памяти Н.А. Добролюбова, Т.Г. Шевченко, Л.Н. Толстого, деятелей революционного движения. Автор показывает значение коммемораций в организации революционной борьбы в стенах столичного университета и в формировании коллективной памяти российского общества.

Ключевые слова: история России XIX–XX вв., историческая память российского общества, история революционного движения, история высшей школы, история Петербургского университета.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОММЕМОРАЦИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.*

В феврале 1919 г. проходило празднование 100-летнего юбилея Петроградского университета. На празднование прибыл нарком А.В. Луначарский. В речи профессора В.М. Шимкевича, произнесенной от имени университетской администрации, звучал «трагический оптимизм»: «Перед нашей интеллигенцией стоит страшная по трудности и колоссальная, но бесконечно благодарная задача. <...> Надо строить все сызнова, и без полного напряжения и участия всех интеллектуальных сил страны никакое строительство невозможно. Период бури и натиска с его моральными мучениями и физическими страданиями рано или поздно минует, и настанет время упорной созидательной работы. <...> Как бы ни было тяжело положение России, но духовный взор наш, направленный в будущее, если он только смотрит через призму любви к России, не может не видеть ее иначе, как единой, свободной и счастливой. Этой России должны принадлежать наши силы, ей принадлежит наша жизнь»¹.

О поведении профессорской корпорации, пытавшей использовать юбилейные торжества для налаживания контактов с новым режимом, не без возмущения повествует в своем дневнике Н.Н. Платонова (жена известного историка, профессора С.Ф. Платонова): «Вчера, сегодня и завтра – юбилейные дни здешнего Ун[иверсите]та; завтра – начало Масленицы – в нормальное время какие бы это были торжественные и радостные дни, а сейчас ничто на ум не идет. Вчера мне и не хотелось в Ун[иверсите]т: ведь этой гадине Зелинскому поручено было произнести речь «Роль Унив[ерсите]та в развитии гуманитарных наук» – как это характерно для моральной неразборчивости кадетской профессуры! Вчера в Ун[иверсите]т явился в довольно растерзанном виде Луначарский, сидел в первом ряду <...> и произнес речь: для всякого правительства, даже для теперешнего, Унив[ерсите]т представляет большую ценность, п[отому] ч[то] наука нужна народу и т.д. И ему аплодировали не только в зале, но и на эстраде, среди профессоров кое-кто – это при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Л[уначарско]го к профессорам»².

Итак, университетский юбилей оказался местом памяти, объединившим представителей «старой» и «новой» России – либеральной профессуры и представителей большевистского режима. Примечательно, что это традиционное празднование проходило как раз в то время, когда власть не только вела беспощадную борьбу с буржуазной интеллигенцией, но и пыталась искоренить почти до основания прежний праздничный календарь и утвердить в об-

щественном сознании совершенно новую систему коммемораций³. Интересно, тем не менее, что не только эта дата, но в целом праздничный календарь университета в том виде, в каком он сложился в предреволюционные десятилетия, в значительной степени оставался актуальным и в послеоктябрьский период. В чем причина его устойчивости? В настоящей статье мы пытаемся ответить на этот вопрос, обращаясь к истории формирования основных университетских коммемораций в XIX – начале XX в.

Как известно, изучение коммеморативных практик – одно из наиболее важных направлений современной социальной историографии и мемориальных исследований⁴. Исследование коммемораций позволяет не только понять механизмы формирования коллективной памяти конкретной социальной группы (и, следовательно, коллективной идентичности), но и прояснить саму природу социальных процессов, в том числе освободительного (революционного) движения. Привычные коммеморации (юбилеи, праздники, торжественные акты, связанные с той или иной датой, похороны и т. п.) – публичные по своему характеру общественные события – по своей природе создавали условия для выражения социальной позиции, идеологической борьбы, общественного протеста.

В литературе уже обращалось внимание на значение отдельных коммемораций в жизни столичного университета второй половины XIX – начала XX в.⁵ Самая постоянная и обыденная университетская коммеморативная практика – публичные похороны университетского деятеля, становившиеся знаковым общеуниверситетским событием. В этой связи приведем, например, описание похорон далекого от политики известного историка литературы и этнографа А.Н. Веселовского, скончавшегося в 1906 г. В воспоминаниях современника читаем: «На выносе присутствовало много народа с [министром] Кауфманом, [вице-президентом Академии наук] Никитиным, [ректором] Боргманом во главе. В университетской церкви, где происходило отпевание, было довольно много студентов, едва ли, однако, со знававших, кого хоронят; по крайней мере, мне передавали слышавшие такие диалоги между студентами: «А что Веселовский читал? – Что-то по литературе. – По какой? – Отстань, пожалуйста; я почему знаю?»»⁶.

Этот эпизод наглядно показывает, что личность покойного принципиального значения для самой организации коммеморации не играла. Приведенный ритуал прощания отражает в целом порядок проводов в последний путь университетского деятеля. Однако в том случае, когда в мобилизации памяти о нем были заинтересованы определенные политические силы, масштаб коммеморации значительно возрастал. Обратимся, например, к ритуалу университетских похорон такого видного общественного деятеля, как М.М. Ковалевский, который играл заметную роль не только в профессорской элите, но и в либеральном движении: «В день похорон 26 марта 1916 г. с самого

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе государственной политики России (1819–1917)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Мероприятие 1.2.2), ГК № 14.740.111112.

раннего утра на Моховой улице, где жил покойный, начал прибывать народ, и к моменту выноса тела, к 10-ти часам утра, улица представляла собой море человеческих голов <...> Преобладало студенчество. Прибыло несколько делегаций от различных учебных заведений и учреждений. В 10 часов гроб был вынесен на руках членом ГД Е.П. Ковалевским, проф. Д.Д. Гриммом, ректором Петроградского университета Э.Д. Гриммом, акад. Д.Н. Овсянко-Куликовским, проф. А.С. Постниковым и др., и на руках же его понесли в церковь Св. Симеона и Анны (на Моховой). Здесь было совершено отпевание ректором Академии епископом Анастасием <...> грандиозная траурная процессия двинулась с Моховой по Фонтанке к Невскому проспекту. Гроб несли на руках студенты. Студенты же для поддержания порядка образовали живую цепь вокруг гроба и многочисленных колесниц с венками. Пел студенческий хор. <...> По улицам, где двигалась процессия, пришлось приостановить движение трамваев и экипажей: улицы были запружены народом. Люди толпились на балконах и в окнах домов <...>⁷.

Таким образом, похороны и разного рода чествования памяти деятелей, воспоминания о которых могли бы служить инструментом для антиправительственной пропаганды (при этом сам по себе объект воспоминаний отнюдь не должен быть революционером – вполне достаточно его принадлежности к освободительному движению в широком смысле), создавали естественную пространственно-временную организацию для политических коммемораций.

Наиболее видное место в культуре университетских коммемораций с 1830-х гг. – со времен ректорства И.П. Шульгина – занимают ритуалы университетских годовщин (которые связывались с указом 8 февраля 1819 г. об основании университета). В этот день в собрании преподавателей и студентов (иногда в присутствии министра народного просвещения и августейших особ) одним из профессоров делался ежегодный доклад о деятельности университета за истекший год, устраивались торжественный молебен в университетской церкви, чаепитие профессоров у ректора, многочисленные неформальные вечеринки различных групп университетов.

Зарождение внутриуниверситетской традиции революционных коммемораций с начала 1880-х гг. можно связать именно с «университетскими годовщинами». Данная традиция формировалась постепенно. Так, 8 февраля 1881 г. состоялся торжественный акт, связанный с 62-й годовщиной основания университета. Годовой отчет университета читает в присутствии 4 тыс. человек – преподавателей и студентов – известный либеральный юрист и историк профессор А.Д. Градовский. В президиуме кроме ректора А.Н. Бекетова министр народного просвещения А.А. Сабуров. После прочтения отчета студент Л.М. Коган-Бернштейн произнес речь, подготовленную известным народовольцем А.И. Желябовым, клеймившую антинародную политику правительства, а студент П.П. Подбельский неожиданно нанес А.А. Сабурову оскорбление действием. По свидетельству очевидца, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятение; студенты вскакивали на стулья, кричали, размахивали руками; тот, кто в красной рубахе, вспрыгнул на подоконник и оттуда ревел: «Долой Сабурова...» Ему в ответ кто-то вопил «Подлецы, мерзавцы, позор...!»⁸. Хотя данный эпизод сам по себе вряд ли в полном смысле можно считать революционной коммеморацией – народовольцы просто использовали в своих целях массовое собрание по случаю университетской годовщины, – но он важен тем, что, с одной стороны, показал перспективы подобного рода революционной тактики, с другой стороны, создал необходимые символические воспоминания об этой дате в коллективной памяти (важно и то, что этот эпизод мог наложиться и на более значимое событие – цареубийство 1 марта), которые в дальнейшем превратили акт основания университета в один из основных революционных праздников петербургского студенчества. Однако для того чтобы это произошло, были необходимы определенные внешние условия, а также формирование соответствующих

политических настроений, ценностных и поведенческих ориентиров студенческой молодежи.

В этой связи кратко напомним о той общественно-политической ситуации, которая сложилась в столичном университете в эпоху «реакции» – в середине – второй половине 1880-х гг. Как известно, Университетский устав 1884 г. не только не решил проблемы студенческого движения, но, провоцируя в этой среде протестные настроения, скорее способствовал тому, что в годы т.н. реакции университетская молодежь оставалась хранителем революционных традиций. Разгромленный после 1 марта 1881 г. Центральный кружок студентов С.-Петербургского университета в 1883 г. уступил место Союзу молодежи партии «Народная воля», на осколки которого, в свою очередь, осенью 1885 г. сформировалась Группа молодежи партии «Народная воля», разгромленная полицией уже в декабре того же года⁹. Между тем на месте разгромленных кружков сразу возникали новые и не менее опасные. Среди наиболее значительных революционных организаций, связанных с университетом этого периода, надо указать на «благоевский кружок», которому его организаторы во главе с болгарским студентом Д.Н. Благоевым дали громкое название «Партия русских социал-демократов» и начали пропаганду социал-демократических идей среди студенчества и петербургских рабочих¹⁰. Рядом с кружком Д.Н. Благоева можно поставить другие революционные кружки середины 80-х гг. – например, Семена Брыкина, в который вошли многие студенты Петербургского университета, «кубанцы» и «донцы», в том числе и будущий известный писатель – А.С. Попов (Сергафимович). Среди аналогичных революционных кружков можно упомянуть кружок Петра Буткова и Михаила Тележкина, кружок братьев Андреевых и другие подобные организации¹¹. Многие из них действовали под прикрытием т.н. землячества петербургских студентов, которые хотя и не были официально разрешены, но существовали с молчаливого согласия руководства университета. В этой обстановке министерство издает новые «Правила для студентов во время прохождения университетского курса» (утверждены в мае 1885 г.)¹², согласно которым не допускались никакие действия студентов, носящие корпоративный характер, запрещалась организация любых публичных собраний, «не имеющих научного характера», в том числе «театральных представлений, концертов, балов», участие в «тайных обществах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели», организация любых «сборищ», «произнесение публичных речей», «какие бы то ни было денежные сборы»¹³.

С нашей точки зрения, именно данное правительственное постановление привело к парадоксальному эффекту – запрет любых частных «сборищ» направил революционную фантазию и энергию студенчества в новое русло. Основным поводом для организации коллективного протеста становятся памятные даты, имевшие общепризнанное значение. Первым примечательным опытом такого рода протеста можно считать студенческие выступления, связанные с «делом Семевского» в начале 1886 г.

История увольнения из столичного университета в январе 1886 г. приват-доцента В.И. Семевского, получившего громкую известность в качестве «развратителя молодежи»¹⁴, широко известна. В.И. Семевский, выпускник историко-филологического университета, имел непростую судьбу в официальной науке, прежде всего по причине политического («народнического») пафоса своих работ. Курс В.И. Семевского под названием «История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX века», читавшийся автором в 1883–1885 гг., выбивался из общего строя университетского преподавания хотя бы потому, что, по определению МНП, «его лекции изобиловали неприличными картинами из крепостного права и быта помещиков»¹⁵. Однако студенчество этот приват-доцентский курс привлекал; большая аудитория, в которой он читал свои лекции, с трудом вмещала всех желающих послушать оппозиционного лектора, и в конце концов стало очевидно, что его лекции являются одним из мест распространения радикальных

идей¹⁶. В начале января 1886 г. министр И.Д. Делянов принимает решение об устранении В.И. Семевского от преподавания¹⁷. Поводом для выражения студенческого недовольства в связи с увольнением любимого прогрессивного преподавателя стала 25-летняя годовщина Манифеста 19 февраля 1861 г. В этой первой масштабной университетской коммеморации, организованной на Волковском кладбище кружками революционного и полуреволюционного направления, приняли участие порядка 400 студентов. В литературе отмечается, что выступление «было первым после демонстрации на Казанской площади [1876 г.] Петербурга шествием людей, открыто проявлявших свое политическое настроение»¹⁸.

За делом В.И. Семевского и акцией 19 февраля проследит создание «Союза землячеств» Петербурга, что дает новый импульс революционной деятельности студенчества¹⁹. Возглавляет новую организацию студент физико-математического факультета А.И. Ульянов. Размах, который приобрела деятельность «землячеств», показывает масштаб т.н. добролюбовской демонстрации, прошедшей 17 ноября 1886 г. Первоначально демонстрация задумывалась А.И. Ульяновым и его сторонниками наподобие акции 19 февраля и была приурочена к 25-летию со дня гибели Н.А. Добролюбова, однако дело вылилось в столкновение с полицией и высылку ряда демонстрантов из Петербурга²⁰. В воспоминаниях В.В. Вересаева, бывшего в то время студентом историко-филологического факультета, есть замечательный эпизод, посвященный «добролюбовской демонстрации», который как нельзя лучше характеризует и студенческую атмосферу, и механизм втягивания молодых людей в революционную среду. Накануне намеченной на Волковском кладбище акции он получил от отца письмо, предостерегающее от необдуманных поступков. Поэтому на акцию студент шел с тяжелым сердцем, в последующем записав в художественной форме свои впечатления: «По дороге Печерников останавливал встречных студентов, знакомых и незнакомых, вполголоса сообщал, что сейчас на Волковом кладбище будет панихида по Добролюбову, и предлагал пойти на панихиду. Одни, взглянув испуганно, шарахались прочь. Другие поворачивали к Волкову кладбищу. Приехали на конке к Волкову. На площади перед кладбищенскими воротами колыхалась огромная масса студенческой молодежи. Среди штатских одеяний студентов-универсантов старших курсов пестрели формы младших университетов, технологов, медиков и лесников. Были курсистки. Подъезжали конки и подвозили все новые толпы студентов.

<...> – Позвольте! Мы хотим отслужить на кладбище панихиду по умершему! Какое вы имеете право нам запретить?

Взволнованный пристав решительно отказывался пустить всех, – соглашался пустить только делегацию для возложения принесенных венков на могилу.

– Да я вот лично, без венка, желаю помолиться за упокой души раба Божьего Николая, а вы мне не позволяете.

– Помолитесь, господин студент, дома, – молитва там дойдет. <...>

Напряжение росло. Взять и разойтись было смешно, да и совершенно невозможно психологически. Не в самом же деле сошлись мы сюда, чтобы во Христе помолиться об упокоении души раба Божьего Николая. У меня в душе мучительно двоилось. Вправду разойтись по домам, как пай-мальчикам, раз начальство не позволяет? Зачем же мы тогда сюда шли? А с другой стороны, – тяжким камнем лежало на душе папино письмо и делало меня тайно чужим моим товарищам.

Обсуждалось предложение: колонною, всем вместе, двинуться по Невскому к Казанскому собору и там требовать, чтоб была отслужена панихида. В другое время я бы сам агитировал за это. Теперь же мне очень хотелось, чтобы предложение было отвергнуто и решено было разойтись по домам. Но отлично понимал: этого не будет. Пойдут к Казанскому собору.

С мерзостным чувством предателя я пошел к конке, собиравшейся отходить в город. Она уже была полна сту-

дентами. Звонки. Конка покатила. Оставшиеся увидели, понеслись свистки, смех, крики:

– Позор! Труссы!

– Ехавшие не смотрели друг другу в глаза. Издалека я видел, как темная масса студентов вытянулась в колонну и двинулась по направлению к Лиговке»²¹.

Таким образом, коммеморация была, с одной стороны, поводом для организации демонстраций революционными кружками, с другой стороны, создавала искусственное игровое пространство, втягивая в революционные акции интеллигентскую молодежь, побуждая ее действовать согласно сценарию революционного праздника. Вероятно, если бы В.В. Вересаев поддался этому давлению, дело могло закончиться арестом и высылкой из Петербурга, притом что никакой собственной революционной программы ни он, ни большинство протестно настроенных студентов не имело. Надо отметить, что добролюбовская акция и репрессии против ее участников до предела наэлектризовали обстановку в студенческой среде и подтолкнули организаторов акции к переходу к более радикальной тактике – в конце 1886 г. во многом стараниями А.И. Ульянова возникает «Террористическая фракция партии «Народная воля»», актив которой образуют университетские студенты – О.М. Говорухин, И.Д. Лукашевич, В.Д. Генералов и другие. Основной целью группы, возглавляемой «гордостью университета» (по словам его ректора И.Е. Андреевского)²², было убийство государя императора, намеченное заговорщиками на символически важную в коллективной памяти дату – 1 марта.

Усилившийся после разгрома в 1887 г. группы Ульянова полицейский контроль над университетом, в том числе присутствие переодетых агентов (легко вычисляемых студентами) на лекциях «прогрессивных» профессоров²³, только накаляли обстановку, создавая почву для новых революционных коммемораций. Ярким примером такого рода коллективного протеста против режима стали похороны известного революционного демократа Н.В. Шелгунова в апреле 1891 г. в которых приняли участие около 200 студентов²⁴. В ходе похоронного шествия произошли очередные столкновения с полицией, в результате которых последовали новые исключения студентов²⁵. Иначе говоря, традиции студенческого радикализма, общественная ситуация в стране и «запретительная линия» МНП с неизбежностью создавали почву для организации все новых революционных групп и революционных торжеств. Неудивительно, что с начала 1890-х гг. две упомянутые февральские даты (8 и 19) стали ежегодным испытанием для ректора и администрации университета. Приведем, например, отрывок из дневника Н.Н. Платоновой 1893 г.: «19-е [февраля] прошло не совсем спокойно <...> Накануне же С[ергей] Ф[едорович] получил по городской почте анонимное литографированное послание от студентов с просьбой «не мешать им праздновать 19-е» т.е., вероятно, не приезжать на лекции. С[ергей] Ф[едорович] поехал, был в ун[иверсите]те на молебне и затем читал лекции – все прошло для него спокойно, но зато, когда профессора шли с молебна, студенты освистали Коновалова, к[ото]рый в этот день утром читал лекции, упомянув, впрочем, в начале лекции о «великом дне» и предложив почтить его вставанием. Интересно, что Гревс, к[ото]рый в этот день в ун[иверсите]те не читает и к[ото]рый нарочно приехал туда с курсов, и Ольденбург ушли из профессорской раньше всех профессоров, к[ото]рые, идя в церковь, видели их среди студентов в той зале, где потом была сходка и разыгрался скандал. Были ли они в церкви, неизвестно, но после скандала С[ергей] Ф[едорович] Гревса совсем не видел, а Ольденбурга видел в профессорской смущенным, как показало С[ергею] Ф[едоровичу]. Я бы желала знать, какую роль они разыграли во всей этой истории?»²⁶

Автор приведенного отрывка, очевидно, намекает на роль в организации революционных коммемораций известных профессоров – представителей либерального крыла освободительного движения (а впоследствии видных деятелей кадетской партии). Действительно, оппозиционный дух университетской молодежи в этот период активно под-

питывался не только революционными организациями, действующими в университете, но и либеральными преподавателями. Но более всего эта роль проявилась в празднованиях «университетских годовщин», которые с середины 1890-х почти ежегодно сопровождались столкновениями студентов с полицией. Например, несмотря на то что акт 8 февраля 1895 г. прошел без происшествий, а ректор, выступивший с «либеральной» речью, даже сорвал аплодисменты²⁷, ночью произошли новые столкновения между отмечавшими акт студентами и дворниками, причем был избит приват-доцент Н.Д. Чечулин, возвращавшийся в тот день поздно из шахматного клуба и заступивший за студентами²⁸. Настроения «прогрессивной» петербургской профессуры и доцентуры 1890-х гг. ярко проявлялись в т.н. чаепитиях, организуемых студенчеством по поводу годовщины 8 февраля (день основания университета), в которых участвовали и приглашенные преподаватели (Н.И. Кареев, П.Ф. Лесгафт, М.И. Туган-Барановский, В.В. Бартольд и др.), «прогрессивные» общественные и литературные деятели (Н.В. и В.В. Водовозовы, М.М. Филиппов, С.Н. Южаков, В.П. Воронцов и др.). Яркую картину таких «чаепитий» рисуют воспоминания одного из их участников — в 1890-е гг. студента юридического факультета — М.А. Сильвина. Вот что, например, он сообщает о годовщине 1896 г.: «Празднование годовщины происходило трояко: утром торжественное заседание в университете, вечером, с одной стороны, пьянство и дебоши огромной массы студенчества, будущих чиновников-карьеристов, маменькиных сынков, шалопаев и просто «добрых малых»; с другой стороны, традиционное «чаепитие» радикального студенчества. Для «чаепития» (кроме чая, других напитков на этой вечеринке не предполагалось) снимался большой зал, иной раз целый ресторан или общественная кухмистерская (столовая), куда вход был по платным билетам, распределявшимся среди товарищей членами полулегальной студенческой кассы взаимопомощи, которые обыкновенно и организовывали «чаепитие». В передней дежурил околоточный (младший полицейский офицер), и для него покупался коньяк; он вел себя тише воды, ниже травы и в зал не показывался; вероятно, и без него у полиции здесь было достаточно «своих» людей. На вечеринку приглашались маститые литераторы и уважаемые профессора оппозиционного правительству образа мыслей. Произносились речи, если не вполне политические, то, во всяком случае, «тенденциозного» содержания, программные речи студентов разных политических толков и направлений, народников, либералов, марксистов. За ними выступали писатели и профессора, отмечавшие теневые стороны университетской жизни и общие тяжелые условия страны, цензурный гнет, полицейские теснения и т.д. Говорили, конечно, осторожно, с оглядкой, бичуя современный режим больше путем метафор и сравнений, но все же получалось впечатление как бы политического собрания или банкета, возбуждающе действующего на молодежь, недавно покинувшую провинцию. <...>

На меня лично эти чаепития, по крайней мере в первые годы моей университетской жизни, производили сильное впечатление. Но мы, подпольщики, здесь не выступали, считая, что не стоит рисковать и терять работников, нужных для иной аудитории»²⁹.

Схожую картину того же вечера 8 февраля, проходившего в кухмистерской Вишнякова на Бассейной улице, рисует побывавшая на нем курсистка Е.А. Дьяконова. Аплодисменты аудитории, по ее словам, как правило, срывали наиболее радикальные речи — так, если говорить о выступлениях университетских деятелей, речь П.Ф. Лесгафта о житейской философии мужа была «ниже ожиданий», зато речь историка В.А. Мякотина, призывавшего к совместной работе на благо народа марксистов и народников, сорвала шумные аплодисменты (никому так много не хлопали, как этому оратору)³⁰.

Надо думать, что именно такие «чаепития» привлекали в революционную среду новых волонтеров из студенчества. Об эмоциональной напряженности в студенческой среде Петербурга второй половины 1890-х гг. красноречиво свидетельствует т.н. дело М.Ф. Ветровой и

последовавшие за ним студенческие выступления. Арестованная по делу «Группы народолюбцев» студентка Высших женских курсов (Бестужевских) М.Ф. Ветрова покончила жизнь путем самоубийства в Трубецком бастионе Петропавловской крепости в феврале 1897 г. в знак протеста против жестокого тюремного режима³¹. Трагическая гибель бестужевки послужила поводом для массовых студенческих выступлений. В частности, 4 марта 1897 г. 5–6 тысяч молодых людей (главным образом студентов) под прикрытием панихиды по погибшей пытались организовать демонстрацию на Невском проспекте, но были разогнаны полицией³².

Примечательно, что именно традиция полулегальных студенческо-профессорских «чаепитий» и послужила прологом к вспышке студенческих волнений 1899 г., которая называется в литературе «первой после многолетнего застоя»³³. Протестное движение студенчества, возникшее в стенах Петербургского университета, затем перекинулось на другие столичные учебные заведения и вскоре приобрело всероссийский характер³⁴. С этого момента революционная традиция в рядах университетской молодежи уже не прерывалась до самого конца «императорского» университета.

Опасаясь празднования очередной «годовщины» университета, которая ввиду своего юбилейного (80-летнего) характера обещала быть ознаменованной не только «чаепитиями», но и, возможно, более шумными событиями, ректор университета В.И. Сергеевич решил заранее опубликовать воззвание к студентам с просьбой воздержаться от нарушения общественного порядка, предупреждая их возможными наказаниями. Объявление ректора, однако, было умело использовано «подпольщиками» и в результате получило обратный эффект³⁵. Так же как и в случае организации «чаепитий», действия студентов направлялись полулегальной организацией — Кассой взаимопомощи студентов Петербургского университета³⁶. Предлогом для публичного обсуждения вопроса о поведении ректора стала смерть французского президента Фора, по поводу которой первоначально собралась сходка 6 февраля. Как и следовало ожидать, идея с посланием сочувственной телеграммы по поводу смерти главы Французской республики была только поводом для привлечения на сходку студентов и реализована не была, но зато на сходке сразу возник вопрос об упомянутом письме ректора. Студенческая молодежь, возмущенная «оскорбительным» тоном обращения В.И. Сергеевича и тем, что оно было не только повешено в университетском коридоре, но и опубликовано в «реакционной» газете «Новое время», уничтожила вывешенное объявление³⁷. Согласно решению сходки 6 февраля в ходе торжественного акта 8 февраля 1899 г. студенты во время выступления ректора демонстративно покинули зал и направились с пением «Gaudeamus igitur» и «Марсельезы» к Дворцовому мосту, чтобы пройти на Невский проспект³⁸. В результате последующих столкновений с полицией более десятка человек были арестованы, несколько получило тяжелые увечья³⁹. События 8 февраля оказались, таким образом, прекрасным поводом для организации массового студенческого протеста и начала создания революционной организации нового типа — претендовавшей на роль общеуниверситетского координационного центра⁴⁰. Интересно, что сходки 9, 10 и 11 февраля выдвинули, таким образом, требования, не выходящие за рамки «академического курса», связанного с лозунгами соблюдения личных «прав» студентов (разбор дел по суду в определенные сроки, запрет применения насилия без необходимости, опубликование правил, регулирующих поддержание порядка на улицах и т.п.)⁴¹. Однако такая постановка вопроса дала возможность для лидеров фронды в своей агитации за забастовку опираться на максимально широкий круг студентов. Так, на сходке 10 февраля была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы возмущены насилием, жертвами которого были 8 февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство. Мы вообще для всех считаем такое насилие оскорблением и протестуем про-

тив него. Поэтому мы объявляем С.-Петербургский университет закрытым и всеми силами будем добиваться официального его закрытия. Мы не откроем университета до тех пор, пока нам не будут даны гарантии личной неприкосновенности»⁴².

Среди обвиняемых «прогрессивным» студенчеством оказались и «реакционные профессора», превратившие университет в «застенки». О подобного рода настроениях свидетельствует, например, такой куплет, распевавшийся забастовщиками:

«В темнице там науки служат,
Там звуку полицейских шпор
Уристов вторит громкий хор»⁴³.

Новый подъем студенческого движения конца 1900–1901 г., за которым стояли уже вполне сформированные нелегальные структуры, также строился по тому же привычному календарю и сценарию, согласно которому репрессии со стороны власти вызывали очередную волну протеста. Так, на студенческой «вечеринке», посвященной годовщине 8 февраля 1901 г., последовало решение о массовой демонстрации по поводу другого события (19 февраля – 40-летие реформы) и создании т.н. Делегатского собрания для ее организации, за чем, разумеется, последовал арест ряда членов «Делегатского собрания». Однако после этого ареста антиправительственная борьба была продолжена образовавшимся тогда же т. н. «Союзом справедливых» – акция 19 февраля была проведена, причем на ней произошло очередное избивание демонстрантов⁴⁴, за которым закономерным образом последовало новое решение об университетской сходке, назначенной на другую памятную юбилейную дату – 1 марта 1901 г.

Поводом к следующим политическим выступлениям служат очередные революционные коммеморации 1901 г.: 13–26 ноября в университете происходит серия сходок, связанная с очередным добродюбовским юбилеем⁴⁵. Перспектива срыва предстоящего университетского акта 1902 г. в этих условиях была очевидной. В связи с этим Совет университета решил в 1902 г. вовсе отказаться от его проведения, в мотивировке своего решения заявив: «Мы имеем дело с грозным явлением: народжением новой традиции. Бесчинства на актах Петербургского университета как безобразнейшая форма политического протеста обращаются в традицию»⁴⁶. Разумеется, это решение Совета, объявленное студенческими лидерами «трусливым», лишь подлило масла в огонь. 5 февраля в университете прошла действительно грандиозная сходка, на которую пришли 1063 человека (т.е. около 30% всех студентов). Сходка абсолютным большинством голосов (против было всего 15 человек) постановила начать забастовку с обструкцией и в случае ее поддержки другими столичными вузами устроить «демонстрацию с участием рабочих»⁴⁷. Попечитель потребовал немедленного привлечения участников незаконной сходки к суду Правления, но столкнулся с прямым противодействием т.н. комиссии кураторов из числа профессоров⁴⁸. Тем временем антиправительственно настроенные студенты решили сами отметить «годовщину», устроив 8 февраля демонстрацию у Зимнего дворца. Однако благодаря оперативным действиям охраны, арестовавшей в ночь на 8 февраля около 100 вероятных зачинщиков этой акции, она была сорвана⁴⁹. Тем не менее группа студентов все же собралась вечером того же дня в Народном доме, где организовала митинг протеста. В результате проведенной здесь полицейской операции еще несколько десятков студентов были арестованы⁵⁰.

Как известно, активную роль в движении начала 1901–1903 г. играют такие структуры, как «Организационный комитет Санкт-Петербургского университета», студенческая социал-демократическая организация «Дело», группа «Протест»⁵¹. В начале 1902 г. из «угасающей» «Кассы взаимопомощи» выделяется т.н. Касса радикалов, которая пыталась в русле идей социал-демократии перевести студенческое движение из «академического» в «политическое» русло⁵². Как отмечается в литературе, в этот период социал-демократические идеи получают массовую поддержку в студенческой среде, а влияние Петербургс-

кого комитета РСДРП и лозунгов подпольной социал-демократической «Искры» на умы университетской молодежи резко усиливается⁵³. В известной ленинской работе «Что делать?» (опубликована в феврале 1902 г.), в частности, был дан ответ и на вопрос о том, что делать с недовольными существующими порядками студентами: «Мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т.п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством нашей партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать все и всякие оппозиционные слои»⁵⁴.

На осколках прежних «общестуденческих» организаций с расплывчатой в политическом отношении программой во второй половине 1902 г. возникают две «социал-демократические группы студентов Санкт-Петербургского университета», одна из которых была ориентирована на Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», другая – на Петербургский комитет РСДРП⁵⁵. Эта вторая группа вскоре, во-первых, заняла доминирующие позиции в среде университетского студенчества и, во-вторых, стала в организационном отношении партийной группой, подчиняющейся местному комитету РСДРП. В январе 1903 г. в Петербургском университете происходит объединение двух указанных выше социал-демократических групп, при очевидном идеологическом и политическом доминировании последней. Новая группа рассматривается в революционной среде «как законный преемник всех предшествовавших студенческих беспартийных организаций»⁵⁶. Таким образом, к очередной университетской годовщине 8 февраля 1903 г. университетские социал-демократы организационно окрепли и обрели новых сторонников в студенческой среде. В воззвании 8 февраля 1903 г., отпечатанном в заграничной типографии, отмечалось: «Мы будем способствовать возникновению и мощному развитию политических волнений петербургского студенчества <...> росту революционного сознания и, пользуясь им, направлять это сознание в сторону идей социал-демократии, вырабатывать идеологов пролетариата, деятелей классовой борьбы»⁵⁷.

Со схожим по тональности открытым письмом к студенчеству обратился и Петербургский комитет РСДРП (письмо было опубликовано в «Искре»)⁵⁸. Это письмо нашло отклик в традиционной студенческой сходке 8 февраля, собранной социал-демократической группой⁵⁹, – сам же университетский акт 1903 г. вновь был отменен по просьбе ректора, опасавшегося новой политической демонстрации во время его проведения⁶⁰. Сходка 8 февраля собрала рекордное количество участников – порядка 2500 человек (т.е. примерно 2/3 от общего числа студентов). Сходка проходила по четкому сценарию: было зачитано письмо к студентам Петербургского комитета РСДРП, пытавшимся выступить «умеренных» заглушили свистом, приняли резолюцию, заранее подготовленную социал-демократической группой: «Приветствуя призыв социал-демократического комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста, в той форме, в какой к этому призывают авторитетные организации»⁶¹.

Под авторитетными организациями понимались «РСДРП и ее боевая организация»⁶². Повод для активных студенческих действий в рамках установок социал-демократии и указаний «авторитетных организаций» не заставил себя ждать. Им стала т.н. злотузовская бойня, под которой понимается расстрел демонстрации рабочих по приказу уфимского генерал-губернатора в марте 1903 г. По этому поводу социал-демократическая группа организовала 18 марта сходку в университетской столовой, в

которой участвовало более 500 человек, где была принята соответствующая политическая резолюция революционного содержания⁶³. В октябре 1903 г. нелегальный Всероссийский студенческий съезд в Одессе (на котором председательствовал студент юридического факультета Петербургского университета Г.А. Энгель) наметил широкую программу действий – в частности, согласовал дни солидарных политических забастовок (8 и 19 февраля, 1 и 4 марта, 1 и 3 мая, 3 ноября), приуроченных к важным для «освободительного движения» датам⁶⁴. В Петербургском университете эта программа реализовывалась под руководством т.н. Коалиционного совета, включавшего в себя представителей ряда леворадикальных партий и групп во главе с социал-демократами⁶⁵, а в мае 1904 г. там же была создана т.н. Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга⁶⁶.

Можно сказать, что с осени 1904 г. и до конца Первой русской революции столичный университет становится одним из основных центров революционного движения в России. Тема памяти борцов с царизмом, естественно, продолжает широко эксплуатироваться организаторами протестного движения, однако, поскольку в условиях постоянного революционного напряжения забастовки, демонстрации и прочие революционные акции следуют одна за другой, сам по себе календарь революционных коммемораций временно утрачивает прежнюю актуальность⁶⁷.

С начала учебного 1907/08 года революционная активность в студенческой среде идет на спад, и для мобилизации протестных настроений вновь необходимо изобретать повод. Администрация университета, уловив эту тенденцию, пытается противодействовать каким-либо собраниям в традиционные коммеморационные дни и не разрешает проводить любые студенческие собрания соответственно 8⁶⁸ и 19 февраля⁶⁹. Но запрещать собрания, намеченные на все возможные памятные даты, было невозможно. Так, студент-эсер И.А. Мануйлов, которому было отказано в устройстве собрания 19 февраля, проводит собрание 1 марта, отмечая его по книге записей как «частное собрание математиков»⁷⁰.

Более того, даже те коммеморативные собрания, которые не получали официального разрешения, на практике благополучно проходили. Так, 17 марта 1908 г. на собрании кружка экономистов произошло чествование Карла Маркса «по случаю исполнившегося двадцатипятилетия со дня его смерти». По агентурным сведениям, «на упомянутом собрании присутствовали также посторонние лица, в том числе известная революционерка Вера Засулич, и произносились зажигательные речи»⁷¹. Однако напрасно руководство МНП просило разъяснений от администрации университета. Проректор Ф.А. Браун по возвращении из отпуска сообщил, что у него нет сведений о каких-либо беспорядках на собрании, где делался доклад о Карле Марксе, и посоветовал на то, что «министерство не сообщило нам имевшиеся в его распоряжении столь ценные сведения незамедлительно»⁷². В этой истории наиболее любопытно как раз то, что в действительности администрация это собрание запретила – в книге записей студенческих собраний содержится сделанная жирным карандашом пометка «Нельзя», которую безуспешно пытались стереть *post factum*⁷³.

Как известно, пик противостояния университетов и власти в эпоху третьеиюньской монархии приходится на 1911 г. – эпоху министра Л.А. Кассо. Деятельность Л.А. Кассо всегда рисуется в литературе «черными» красками⁷⁴, причем этот историографический дискурс формировался еще с дореволюционных времен⁷⁵, хотя особо odioзные черты министр приобрел после обретения статуса «классика» одним из его наиболее радикальных политических оппонентов, который не стеснялся называть МНП эпохи Л.А. Кассо «министерством народного затмения», «министерством полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию»⁷⁶. Однако нельзя сказать, что негативное отношение к этому министру сложилось в обществе изначально. «Кассо является иском: никто его, по-видимому, не знает, но

почти все (за исключением черносотенцев из «Русского знамени») радуются уходу Шварца, этого тупого ступака», – замечал в своем дневнике в октябре 1910 г. близкий к либеральной профессуре экс-министр народного просвещения И.И. Толстой⁷⁷. Л.А. Кассо, вероятно, это общественное настроение понимал и пытался использовать. Неслучайно начал свою деятельность новый министр с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах законопроекта нового университетского устава⁷⁸, несмотря на протесты по этому поводу консервативной профессуры⁷⁹, и созыва «частного» собрания профессоров университетов, проходившего с 16 по 18 декабря 1910 г. и вновь обсуждавшего будущий проект устава⁸⁰. Позитивное впечатление на профессорское сообщество должна была произвести и замена товарища министра Г.К. Ульянова (у которого в «эпоху А.Н. Шварца» сложились конфликтные отношения со столичной университетской коллегией) на бывшего профессора Петербургского университета В.Т. Шевякова, пользовавшегося уважением коллег⁸¹ и считавшегося сторонником университетской автономии⁸².

В этой связи следует учитывать, что началом «новой бури» можно считать отнюдь не действия министерства, а очередную коммеморацию по случаю смерти известного кадетского деятеля, профессора С.А. Муромцева, официально разрешенную ректором и происшедшую 6 октября 1910 г.⁸³, в президиуме которой, как ни странно, наряду с либералами оказались также представители революционных партий. Сходка, в которой приняло участие около тысячи человек, приняла резолюцию, где «выражалась уверенность, что будут борцы, борцы – носители все еще не осуществившихся народных желаний, возлагавшихся на русскую революцию»⁸⁴. После грандиозных похорон С.А. Муромцева, в которых участвовала и «делегация» Петербургского университета, в ноябре 1910 г. вскоре появился повод для новых сходок и траурных демонстраций – 7 ноября 1910 г. – кончина графа Л.Н. Толстого⁸⁵. За их организацией стояли вполне определенные политические силы. В директиве большевистского центра, адресованной петербургским большевикам, работавшим со студенчеством, указывалось: «Несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг – „долой палачей“»⁸⁶. Власть, со своей стороны, тоже это хорошо понимала – Л.А. Кассо еще накануне смерти Л.Н. Толстого указал попечителям учебных округов на необходимость предупреждения обсуждения вопросов «противоправительственного и противощерковного характера», которые могут начаться на собраниях «в связи с возможной смертью Л.Н. Толстого»⁸⁷.

Чествование памяти Л.Н. Толстого радикальными организациями петербургского университета облегалось еще и тем, что оппозиционный писатель был избран почетным членом Университетского совета за два года до своей кончины (в разгар университетского кризиса 1908 г.)⁸⁸. Первая сходка собралась уже 7 ноября, в день смерти писателя, но носила немногочисленный характер⁸⁹. Возможности для проведения более масштабной сходки появились после того, как Советская комиссия в «знак траура по почетном члене Университета Л.Н. Толстом» постановила отменить на следующий день в университете все занятия и «если бы студенты Университета пожелали устроить собрание – таковое разрешить»⁹⁰. Одновременно проректор И.Д. Андреев обратился с просьбой к университетскому священнику Рождественскому отслужить в церкви панихиду, но последний решительно отказался это делать⁹¹, что без сомнения способствовало оппозиционному настрою участников предстоящей сходки. Сходка 8 ноября, которая имела грандиозный характер (участвовало 3–4 тыс. человек), приняла резолюцию, прославляющую ушедшего писателя не столько как художника слова, сколько как борца с «светским и церковным официальным миром», оставившего «нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада, позорным явлением русской жизни – смертной казнью»⁹². Однако сходкой дело не ограничилось. Своеобразную картину дальнейших событий на заседании Со-

вета, проходившем вечером того же дня, нарисовали ректор Д.Д. Гримм и проректор И.Д. Андреев: «Сходка прошла с внешней стороны мирно и скоро окончилась <...> но почти тотчас же ректору было доложено, что студенты стали выходить на улицу с пением и затем двинулись толпой вдоль университетской линии на набережную <...>. В это же время на улицу к толпе вышел проректор и убеждал студентов расходиться. В это же время появилась пешая и конная полиция, сперва следовавшая параллельно за толпой, а затем начавшая теснить ее около кадетского корпуса. Тогда ректор вышел на улицу и около Историко-филологического института начал уговаривать студентов разойтись. <...> Студенты обступили ректора с заявлением, что их не пускают у Первой линии. Однако ректор предложил им следовать за собой, убедился, что у Первой линии студентов пропускали беспрепятственно. Но когда студенты, несмотря на уговоры ректора разойтись, дошли с пением «вечной памяти» до Академии художеств, то оказалось, что въезд на мост был занят пешей и конной полицией. Здесь полицмейстер Галле еще раз подтвердил, что он не может пропустить толпу через мост, так как она явно имела намерение идти к Синоду <...> На многих слова ректора действовали, и они вернулись, но часть все-таки пошла на мост и тотчас была отеснена городскими к Академии художеств <...> и, все время убывая, сопровождаемая конными городскими, пошла по направлению к университету. Около университета оказалось уже не более 100–150 человек, которые, пропев «вечную память», стали расходиться. После этого ректор, полагая, что этим все окончилось, отправился домой. <...> Однако оказалось, что большая толпа студентов, будучи отеснена на 4 и 5 линии, прошла по этим линиям и Среднему проспекту и вернулась к университету к 6 часу. <...> Около университета отряд полиции разделил толпу на две неровные части, одна из которых, отсиснутая к университету, вошла в него и заняла помещение, в котором кончалась сходка юристов [по поводу записи на экзамены]. Это помещение скоро оказалось мало, и пришлось открыть бывший актовый зал. Настроение было очень повышенное, распространился слух, что другая часть толпы арестована, хотели идти ее освободить. В то же время возникло какое-то недоразумение по записи на экзамены юристов. Проректору с трудом удалось сдержать толпу и успокоить одних сообщением, что никто не арестован, а других обещанием уладить возникшее недоразумение. Скоро после этого зал опустел»⁹³.

Совет, выслушав это сообщение ректора и проректора, выразил полную поддержку их «в высшей степени целесообразным и тактичным действиям» и... постановил «на 9 ноября, день погребения тела графа Льва Николаевича Толстого, чтение лекций отменить», что дало возможность в этот день представителям землячества и Организационного комитета провести новую массовую «траурную демонстрацию» под лозунгами протеста против смертной казни⁹⁴; по приводившимся в литературе данным, в ней приняли участие около 3 тыс. человек⁹⁵. Каждая демонстрация сопровождалась столкновениями с полицией⁹⁶, что не останавливало, а скорее подогревало толпу. 11 ноября на Васильевском острове состоялась траурная студенческая демонстрация под аналогичными лозунгами, в которой, по некоторым оценкам, приняло участие также порядка трех тысяч человек⁹⁷; еще более масштабная демонстрация (примерно 10 тыс. человек – студентов и рабочих) прошла в этот день на Невском проспекте⁹⁸. Демонстрация была разогнана полицией, новая массовая сходка (2 тыс. человек)⁹⁹, организованная социал-демократами и эсерами, прошла в университете 12 ноября¹⁰⁰, очередная сходка – на следующий день¹⁰¹. Как отмечалось в литературе, Петербургский университет стал, таким образом, центром общественного движения в столице, связанного со смертью Л.Н. Толстого¹⁰².

30 ноября следует новая сходка по очередному поводу – самоубийство политзаключенных в Зерентуйской тюрьме¹⁰³. На последнюю сходку нагрянула полиция и арестовала 10 человек¹⁰⁴. Репрессии, однако, только усиливали

революционный настрой студенчества: уже следующая сходка, состоявшаяся 3 декабря и собравшая порядка 2500 человек, обсуждала вопрос о всероссийской студенческой забастовке¹⁰⁵. После последней сходки произошло первое столкновение администрации университета с новым главой МНП. Как отмечается в протоколах Совета, «До этого дня действия университетской администрации одобрялись министерством, а этот день вызвал нарекания, и главным образом на действия проректора, за его продолжительное пребывание на сходке [на которой проректор убеждал студентов разойтись] <...> Ректору пришлось высказать г. Управляющему Министерством, что в подобных случаях невозможно давать никаких определенных директив, как следует действовать, ибо ясна может быть только одна цель – сохранение университета»¹⁰⁶.

С этого момента начинается нарастание конфликта между МНП и университетской корпорацией, закончившаяся кризисом января-февраля 1911 г., сопровождавшимся введением полиции в университет и массовым увольнением его студентов¹⁰⁷. После этих событий достигнутое успокоение студенчества также можно считать весьма относительным. С 5 февраля и до конца года в стенах университета произошло по крайней мере еще 12 акций революционного характера (сходки, распространение листовок антиправительственного содержания и т.п.)¹⁰⁸. В основном акции подобного рода строились вокруг определенных коммемораций – например, чествования памяти казненного Д.Г. Богрова¹⁰⁹ и годовщины смерти Л.Н. Толстого¹¹⁰, годовщины самоубийства Е.С. Сазонова¹¹¹. К 1914 г. в университете существовала уже разветвленная сеть нелегальных политических организаций – РСДРП, социалисты-революционеры, группа польской социалистической молодежи, Союз левого студенчества и т.п.¹¹² Среди координационных центров студенческого революционного движения нельзя не упомянуть Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга, созданный в конце 1912 г. и действовавший под прямым руководством ПК РСДРП(б)¹¹³. Естественно, что студенческие сходки в этих условиях приобретают все более регулярный характер, собираясь по любому поводу (очередная годовщина смерти Л.Н. Толстого, Ленский расстрел, истязание заключенных в Кутомарской тюрьме, годовщина событий в Зерентуйской тюрьме, смертный приговор морякам-революционерам в Севастополе, очередная годовщина Ленского расстрела, празднование 1 мая и т.п.)¹¹⁴.

Надо отметить, что лишь немногие из дат «освободительного» календаря праздновались исключительно социалистическим лагерем. Большинство коммемораций для радикалов и либералов носило общий характер. Ярким примером являются т.н. шевченковские годовщины. Напомним, что среди общественных акций петербургской либеральной профессуры рубежа веков можно отметить создание в 1898 г. Общества им. Т.Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам России – учащимся высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Общество, организация которого уже вызывала подозрение властей, наряду с помощью нуждающимся студентам проводило ежегодные чествования памяти украинского поэта, к которым кроме «прогрессивных» украинских, русских и польских общественных деятелей привлекались и известные представители культурной элиты – А.К. Глазунов, Ф.И. Шаляпин и др.¹¹⁵ Надо отметить, что со временем традиция шевченковских коммемораций прочно заняла свое место в календаре студенческого революционного движения. В 1910-е гг. к ней часто приурочивались революционные выступления и сходки¹¹⁶. Укажем здесь на хорошо изученную в литературе¹¹⁷ коммеморацию, связанную с очередной «круглой» шевченковской годовщиной – столетием знаменитого поэта в феврале 1914 г. В качестве одного из организаторов юбилейных торжеств выступала официальная профессура историко-филологического факультета, что делало их запрет для власти затруднительным. 24 февраля Т.Г. Шевченко чествовали на собрании студентов историко-филологического факультета под председательством профессора Ф.Ф. Зелинско-

го. Однако продолжение торжеств не было столь мирным: основной праздник был намечен на 26 февраля, к этому дню напряженно готовились и полиция, и революционные организации. Пока усиленные наряды полиции размещались во дворе, «в разных помещениях университета были разбросаны воззвания, в которых студентов приглашали выразить протест против запрещения чествовать память Шевченко»¹¹⁸. Призыв этот получил отклик, и около часа в главном коридоре состоялась «летучая сходка, имевшая целью выразить протест правительству против запрещения чествовать поэта Шевченко»¹¹⁹, завершившаяся демонстративным маршем группы в 250 человек с пением «Вечной памяти», которая взад и вперед ходила по главному коридору. Во время этой своеобразной демонстрации разбрасывалась листовка социалистов-революционеров с призывами к борьбе с царизмом во имя «вековых, заветных идеалов» народа¹²⁰. Завершилось празднование, по традиции революционных коммемораций, панихидой в Казанском соборе, на которую студенты пошли с песнями «Вставай, поднимайся, рабочий народ», «Вы жертвою пали». После панихиды студенты попытались организовать демонстрацию на Невском проспекте, но были рассеяны, несколько человек арестовано¹²¹.

Примечательно, что две основные революционные университетские коммеморации были связаны с решениями двух императоров: Александра I, который 8 февраля 1819 г. утвердил доклад министра духовных дел и народного просвещения об учреждении Петербургского университета, и убитого революционерами Александра II, подписавшего манифест 19 февраля. Другое дело, что память об этих решениях формировалась в рамках системы идентичности и политических дискурсов радикальной оппозиции. Чествования памяти великих ученых, юбилеи здравствующих лиц, научных обществ или изданий, факультетов и кафедр, войн и сражений, даже революционных событий фактически

никогда не становились основой для создания революционной коммеморации. Зато игровое пространство революционной коммеморации в стенах университета, как правило, включало в себя танатологические мотивы – обращение к теме смерти борца за народное дело и памяти о нем (Добролюбова, Толстого, Шевченко, Богрова, Сазонова, севастопольских моряков, Ветровой, жертв Ленского расстрела, Карла Маркса и т.п.). Можно предположить, что эта ситуация отражала глубинные черты ментальности русской интеллигенции – потребность в героях освободительного движения создавала основу для формирования нового мемориального пантеона (своеобразного «пантеона святых») российского общества, актуального до начала XXI в. Не менее важно и то, что революционный календарь формировал своеобразную «дорожную карту» для революционного движения, выступая в качестве перспективного плана революционных действий. Коммеморации выступали своеобразными капканам на жизненном пути интеллигентской молодежи – оказавшись включенным в логику коммеморативной практики, элементами которой была корпоративная и игровая солидарность (в том числе готовность коллективного противостояния режиму), праздничная атмосфера, участие в совместных ритуалах (песнопениях, чаепитиях, сходках, демонстрациях), молодой человек все более усваивал фрондерскую маску, погружался в стихию протестного движения. В этой связи не будет преувеличением предположить, что революционные коммеморации становились основой для формирования нового мнемонического континуума русской интеллигенции, а университет, в котором проходила его «апробация», выступал в качестве одного из мест производства массовых представлений для «освободительной» версии коллективной памяти. В этом смысле не возникает сомнений в том, что, приехав в университет в разгар «красного террора», проредившего ряды преподавателей и студентов, нарком не ошибся ни датой, ни адресом...

¹ Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 185.

² Дневник Н.Н. Платоновой 19/22 февраля 1919 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5699. Л. 4–4 об.

³ См., напр.: *Малышева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х гг. // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 682–710; *Еремеева С.А.* Монументальные практики коммеморации в России XIX – начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 911–927.

⁴ См. об этом, напр.: *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 34–42; *Нора П.* Эра коммемораций // Франция – Память. СПб., 1999; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 433–437.

⁵ *Шевырев А.П.* Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 148–162; *Тихонов И.Л.* Из истории университетских юбилеев // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 435–442.

⁶ *Толстой И.И.* Дневник: В 2 т. СПб., 2010. Т. I. 1906–1909. С. 81.

⁷ Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // Максим Ковалевский. Пг., 1918. С. 259–260.

⁸ Цит. по: *Щетина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 69.

⁹ См.: *Жуйкова Р.Г.* Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в. // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Вып. II. С. 44–48.

¹⁰ См. об этом: *Лапшина Р.Г., Жуйков Г.С.* Революционные и демократические кружки в Петербургском университете в 1883–1891 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Л., 1979. С. 25–28.

¹¹ Там же. С. 26–39.

¹² Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских Российских университетов. СПб., 1885. См. также: *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 102–103; *Johnson P.W.* Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // Russian Review. Vol. 33. No. 3 (Jul., 1974). P. 261–262.

¹³ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских Российских университетов...

¹⁴ См. *Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Т. IV. С. 45.

¹⁵ Цит. по: *Критский Ю.М.* В.И. Семевский и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1969. №2. История. Языкознание. Литература. Вып. 1. С. 167.

¹⁶ О лекциях В.И. Семевского в университете см., напр.: *Вересаев В.В.* В студенческие годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: В 3 т. Л., 1963. Т. I. Петербургский университет. 1819–1895. С. 202–203.

¹⁷ *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 167. См. о решении о «прекращении лекции Приват-доцента В.И. Семевского»: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886 академического года. СПб., 1886. С. 9. Ср.: *Святиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг. // Голос минувшего. 1917. № 2. Февраль. С. 48–50.

¹⁸ *Итенберг Б.С., Черняк А.Я.* Александр Ульянов. М., 1966. С. 103.

¹⁹ *Гладковская Л.А.* А.С. Попов-Серафимович в петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып. 1. С. 118–128.

- ²⁰ См., напр.: *Сватилов С.Г.* Указ. соч. С. 50. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Добролюбовская демонстрация 1886 г. и ее оценка современниками и в исторической литературе // *Российские университеты в XIX – начале XX века.* Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 106–127.
- ²¹ *Вересаев В.В.* Воспоминания // *Вересаев В.В.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 270–271.
- ²² См., напр.: *История Ленинградского университета. Очерки...* С. 86. Сочинение А.И. Ульянова на тему: «Об органах сегментарных и половых пресноводных *Annulata*» по представлению. Физико-математического факультета было удостоено золотой медали (Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 3 февраля 1886 г. // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886 академического года...* №33. С. 18).
- ²³ См., напр.: *Дневник Н.Н. Платоновой.* 3 января [1893 г.] // *ОР РНБ.* Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 9.
- ²⁴ *Аминина М.Н.* Михаил Степанович Ольминский // *Петербургский университет и революционное движение в России...* С. 141.
- ²⁵ *Дневник Н.Н. Платоновой.* 18 апреля [1891 г.] // *ОР РНБ.* Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 54 об.
- ²⁶ *Дневник Н.Н. Платоновой.* 25 февраля [1893 г.] // Там же. Д. 5692. Л. 20–21.
- ²⁷ *Дневник Н.Н. Платоновой* 14 февраля [1895 г.] // Там же. Л. 78.
- ²⁸ Там же. Л. 78–78 об.
- ²⁹ *Сильвин М.П.* На революционной работе // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 25–26.
- ³⁰ *Дьяконова Е.А.* *Дневник* // Lib.ru: «Классика» Режим доступа: [31.10.2010] http://az.lib.ru/d/djakonowa_e_a/text_0020.shtml
- ³¹ *Кудели П.Ф.* Народолюбцы на перепутье. Л., 1926. С. 39–44.
- ³² *Ростов Н.* Драма в Бастионе. М., 1933. С. 48.
- ³³ *Юхнева Н.В.* Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года // *Очерки по истории Ленинградского университета.* Л., 1962. Вып. 1. С. 129. Ср.: *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения 1899–1906. [СПб., 1906]. С. 5.
- ³⁴ *Юхнева Н.В.* Указ. соч. С. 129.
- ³⁵ Ср.: *Шевырев А.П.* Указ. соч. С. 151–152
- ³⁶ *Юхнева Н.В.* Указ. соч. С. 129; *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете в первые годы ее существования // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 46.
- ³⁷ *Глинский Б.В.* И. Сергеевич и студенческие беспорядки в 1899 году // *Исторический вестник.* 1911. Январь. С. 229–232.
- ³⁸ *История Ленинградского университета. Очерки...* С. 154; Ср.: *Энгель Г., Горохов В.* Указ. соч. С. 7. Согласно Г. Энгелю и В. Горохову, студенты создали выступление ректора шумом и криком, продолжавшимся в течение 20 минут, таким образом, заставив его вместе с «именитыми» гостями покинуть зал и сорвав «акт» (Там же. С. 6).
- ³⁹ *История Ленинградского университета. Очерки...* С. 154.
- ⁴⁰ Ср., напр.: *Konecny P.* Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. McGill-Queen's University Press, 1999. P. 19–20.
- ⁴¹ См.: *Завьялов Д.А.* Указ. соч. С. 140–141.
- ⁴² Цит. по: *История Ленинградского университета. Очерки...* С. 154. Ср.: *Завьялов Д.А.* Указ. соч. С. 140.
- ⁴³ Цит. по: *Олесич Н.Я.* Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 371.
- ⁴⁴ См., напр.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры» (1900–1903 гг.) // *Петербургский университет и революционное движение в России...* С. 46–47.
- ⁴⁵ Там же. С. 50.
- ⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 51.
- ⁴⁷ Там же. С. 52.
- ⁴⁸ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 6 февраля 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 191–192 об.
- ⁴⁹ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете... С. 52.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ См.: Там же. С. 53–54.
- ⁵² *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение в Петербурге // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 72.
- ⁵³ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете... С. 53.
- ⁵⁴ *Ленин В.И.* Что делать? // ПСС. М., 1969. Т. 6. С. 86.
- ⁵⁵ *Энгель Г.А.* Указ. соч. С. 73.
- ⁵⁶ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете... С. 60.
- ⁵⁷ Цит. по: *История Ленинградского университета. Очерки...* С. 158.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете... С. 59.
- ⁶¹ Цит. по: Там же. С. 61.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Дорошенко Н.В.* Указ. соч. С. 48; *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете... С. 62.
- ⁶⁴ *Энгель Г.А.* Указ. соч. С. 75.
- ⁶⁵ *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 127. Ср.: *Яковлев В.П.* Николай Васильевич Крыленко // *Петербургский университет и революционное движение в России...* С. 154.
- ⁶⁶ Отчет Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955. С. 582. Ср.: *Бондаревская Т.П.* Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // *Петербургский университет и революционное движение в России...* С. 68.
- ⁶⁷ См. о революционных событиях 1905–1907 гг. в столичном университете: *Марголис Ю.Д.* Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 18–27; *Сладкевич Н.Г.* Петербургский университет в 1905 г. // Вестник ЛГУ. 1955. № 3. С. 23–35; *Павлицкая Н.И.* Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1948. № 11; *Яковлев В.П.* Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1980. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 19–25; *Ростовцев Е.А.* Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «революция» на службе корпорации // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 162–179 и др.
- ⁶⁸ Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1907/1908 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 377. Л. 86.
- ⁶⁹ Примечательно, что на 19 февраля 1908 г. было открыто запланировано собрание уже нелегального института факультетских старост, устройством которого был эсер И.А. Мануйлов, «для обсуждения вопроса о книжном складе и продления лекций в университете», на что первоначально было получено разрешение, но впоследствии на него была наложена резолюция «нельзя» (Там же. Л. 98 об.). Аналогичная резолюция наложена на записи о собраниях 19 февраля 1909 г., 1910 г. («собраний не будет») (Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1909–1911 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 383. Л. 39 об., 329), а 19 и 20 февраля 1911 г. (суббота и воскресенье) помечены как праздники, когда университет закрыт (Там же. Л. 547 об.).

- ⁷⁰ Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1907/1908 г. Л. 111.
- ⁷¹ См.: Товарищ министра народного просвещения – попечителю Петербургского учебного округа, 30 июня 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 216.
- ⁷² Проректор – ректору университета, 27 августа 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 220.
- ⁷³ Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1907/1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 377. Л. 130.
- ⁷⁴ См., напр.: *Пешников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973. С. 71–77; *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 61; *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 4, 184–201; *Лейберов А.И.* Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 – февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 30–31; *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество в России. М., 1982. С. 189. Ср. работы постсоветского периода: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 20; *Романов Ю.В.* Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Помоносов-99». История. М., 1999. С. 76–80. В то же время в новейшей литературе встречаются более взвешенные оценки деятельности этого министра (см.: *Змеев В.А.* Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998. С. 198–199).
- ⁷⁵ См.: Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911; *Кожевников Г.* Проклятый вопрос (к современному положению университета). М., 1911; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. С. 513. Кн. 2. С. 589, 725, 877 и др. См. также, например, созданные в эмиграции воспоминания П.Н. Милюкова: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 56–57.
- ⁷⁶ *Ленин В.И.* К вопросу о политике министерства народного просвещения // ПСС. М., 1980. Т. 23. С. 128, 135.
- ⁷⁷ *Толстой И.И.* Указ. соч. Т. II. 1910–1916. С. 108.
- ⁷⁸ *Ролл А.Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования. СПб., 1912. С. 200.
- ⁷⁹ *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 347.
- ⁸⁰ *Воробьева Ю.С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 35; *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе... С. 187–188. Ср.: *Толстой И.И.* Указ. соч. Т. II. С. 140.
- ⁸¹ См. показательное в этом смысле письмо С.Ф. Платонова гр. С.Д. Шереметеву (С.Ф. Платонов – С.Д. Шереметеву. 26 декабря 1910 г. // Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 143).
- ⁸² См.: *Фокин С.И.* Профессора В.М. Шимкевич и В.Т. Шевяков и их роль в развитии зоологии в Императорском Санкт-Петербургском университете // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 324–325.
- ⁸³ К кончине С.А. Муромцева // Речь. 1910. 7 (20) октября. С. 3. Ср.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. №2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 15.
- ⁸⁴ Цит. по: Тов. мин. внутренних дел. П. Курлов – Л.А. Кассо, 13 октября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 19 об.
- ⁸⁵ В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 9 (22) ноября. №306. С. 3; В Петербурге // Русские ведомости. 1910. 9 ноября. №258. С. 4. Ср.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 175–176.
- ⁸⁶ Цит. по: *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество... С. 187.
- ⁸⁷ Шифрованная телеграмма министра народного просвещения попечителям учебных округов от 7 ноября 1910 г. // РГИА. Ф. 1733. Оп. 201. Д. 205. Л. 2. Ср.: *Мейлах Б.С.* Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979. С. 319.
- ⁸⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. С. 158. Об университетском кризисе 1908 г. см.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1979. №8. История, языковедение, литература. Вып. 2. С. 168–174; *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 93–100.
- ⁸⁹ *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. Приложения. Приложение III. Революционные и демократические выступления студентов Петербурга в 1907–1914 гг. /Хроника/. С. 59.
- ⁹⁰ Протокол заседания Совета Императорского СПб. университета. 8 ноября 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. С. 136.
- ⁹¹ Тов. мин. внутренних дел. П. Курлов – Л.А. Кассо, 30 ноября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 20.
- ⁹² Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки... С. 176. Ср.: *Малкин Б.Г., Батулин-Виноградов М.М.* Петр Васильевич Дашкевич // Петербургский университет и революционное движение в России... С. 170; *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии России в конце XIX – начале XX века: Дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 2000. С. 249.
- ⁹³ Протокол заседания Совета Императорского СПб. университета. 8 ноября 1910. С. 136–138.
- ⁹⁴ *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15.
- ⁹⁵ *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество... С. 187. Ср.: *Мейлах Б.С.* Указ. соч. С. 323.
- ⁹⁶ См., напр.: Телеграф и телефон (По телефону от наших корреспондентов) // Русские ведомости. 1910. 10 ноября. № 259. С. 2; У великой могилы // Речь. 1910. 10 (23) ноября. № 309. С. 2; К кончине Толстого // Речь. 1910. 11 (24 ноября). № 310. С. 3.
- ⁹⁷ История Ленинградского университета. Очерки... С. 176.
- ⁹⁸ Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 12 ноября. №261. С. 2. Ср.: *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество... С. 187–188.
- ⁹⁹ Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 13 ноября. №262. С. 2.
- ¹⁰⁰ *Борисенко М.В.* Указ. соч. С. 63. Ср.: *Жирков Г.В.* Студенты прощаются с Л.Н. Толстым // Санкт-Петербургский университет. 2010. 12 сентября. № 15 (3822). С. 54.
- ¹⁰¹ *Мейлах Б.С.* Указ. соч. С. 328.
- ¹⁰² Там же. С. 324.
- ¹⁰³ *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 14–15.
- ¹⁰⁴ В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 3 (16) декабря. №332 (1570). С. 3. Ср.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15.
- ¹⁰⁵ *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15.
- ¹⁰⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1913. С. 11.
- ¹⁰⁷ См., напр.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 14–19; *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»... Р. 104–111.
- ¹⁰⁸ *Борисенко М.В.* Указ. соч. С. 76–84.
- ¹⁰⁹ Тов. министра вн. дел – министру народного просвещения, 26 сентября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 336. Л. 14–15.
- ¹¹⁰ За министра внутренних дел – министру народного просвещения, 13 ноября 1911 г. // Там же. Л. 24–24 об.
- ¹¹¹ За министра внутренних дел – министру народного просвещения, 27 ноября 1911 г. // Там же. Л. 39.
- ¹¹² См., напр.: *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914–февраль 1917 г.) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2. С. 8–9; *Бережной А.Ф.* Большевицкая печать и студенчество университета // Вестник ЛГУ. 1969. №2. Вып. 1. С. 32–35 и др.

¹¹³ История Ленинградского университета. Очерки... С. 177

¹¹⁴ См., напр.: *Круглова З.С.* Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1964. № 229. Материалы и исследования по истории СССР. С. 182–206; *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета... С. 10–11; *Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет... С. 48–51; *Малкин Б.Г., Батулин-Виноградов М.М.* Указ.соч. С. 171 и др. *Борисенко М.В.* Указ. соч. С. 92–157.

¹¹⁵ См.: *Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет... С. 45–47.

¹¹⁶ Там же. С. 47–51.

¹¹⁷ См., прежде всего, монографию Ю.Д. Марголиса: *Марголис Ю.Д. Т.Г. Шевченко и петербургский университет.* Л., 1983.

¹¹⁸ Цит. по: Там же. С. 109.

¹¹⁹ Цит. по: Там же. С. 110.

¹²⁰ Цит. по: Там же. С. 112.

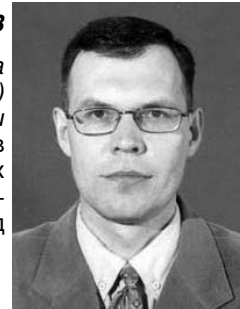
¹²¹ Там же. С. 112–113. Ср.: *Завадский Н.Г.* Указ. соч. С. 242.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КУРШАКОВ

соискатель кафедры отечественной истории Марийского государственного университета
(с. Вятское, Республика Марий Эл)
Тел.: 8(83638)99403; E-mail: kurandrei@yandex.ru

В статье рассматривается новый элемент системы органов государственной власти России в конце XIX – начале XX в. – институт земских начальников. Определены количество участков и их динамика, проведен анализ сословного происхождения, имущественного положения, образовательного уровня, возрастного состава земских начальников Казанской губернии, сделан вывод об их профессиональной компетенции.

Ключевые слова: земский начальник, участок, крестьянство, дворянство, служба.

ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В конце XIX в. местные органы государственной власти в России подверглись реорганизации. С целью активизации политики попечительства государства в отношении крестьян 12 июля 1889 г. издается Положение о земских начальниках. Общие вопросы введения института земских начальников рассматривались в работах дореволюционных¹, советских², современных³ исследователей. В нашей статье анализируется состав института земских начальников Казанской губернии, уровень профессиональной компетенции, определяется количество участков, их распределение среди земских начальников.

Согласно Положению от 12 июля 1889 г. каждый уезд разделялся на земские участки. В состав земских участков не входили все губернские и уездные города, а также ряд безуездных городов, посадов и местечек⁴. Каждым участком заведовал земский начальник⁵. Ими могли быть лица, прослужившие не менее трех лет в должности предводителя дворянства, для этих кандидатур не требовалось наличие имущественного и образовательного ценза; местные потомственные дворяне, достигшие двадцатипятилетнего возраста, имеющие высшее образование или прослужившие в течение трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи, непрямого члена присутствия по крестьянским делам, если при этом они сами, родители или их жены обладали половиной ценза, необходимого для участия в выборах в уездное земское собрание, или другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земским сбором не ниже 7500 руб.⁶ При недостатке лиц, отвечающих указанным условиям, земскими начальниками назначались местные потомственные дворяне в возрасте не менее 25 лет, которые имели среднее образование или выдержали соответствующее испытание и состоят в гражданских или военных классных чинах, если при этом они сами, жены или родители имели земельную собственность, необходимую для участия в выборах в уездное земское собрание, или другое недвижимое имущество, оцененное для взимания земским сбором не ниже 15 тыс. руб. Кроме того, земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне, получившие высшее образование и не обладавшие земельной собственностью. Право быть назначенным зем-

ским начальником по недвижимому имуществу родителей имели только сыновья, которым не выделялась часть имения. В случае назначения на должность земского начальника по недвижимому имению жены на это требовалось ее предварительное разрешение⁷.

На должность земского начальника не могли быть назначены местные потомственные дворяне, состоящие под следствием или судом за преступления и проступки, подвергшиеся за противозаконные деяния по судебным приговорам заключению в тюрьму или иному более строгому наказанию, а также лица, бывшие судимыми за преступления и проступки, влекущие за собой такие наказания, не оправданные судебными приговорами. Наряду с этим не назначались земскими начальниками лица, исключенные из службы или из дворянских собраний, объявленные несостоятельными должниками, а также состоящие под опекой за расточительность⁸. Списки кандидатов на должность земских начальников велись уездным предводителем дворянства. На каждую вакантную должность земского начальника губернатор, посоветовавшись с губернским и местным уездным предводителями дворянства, избирал по одному кандидату из уездного списка. В случае отсутствия возможности пополнить все требуемое число кандидатов из внесенных в уездный список лиц губернатор выбирал недостающее число кандидатов из списков других уездов той же губернии⁹.

Министр внутренних дел утверждал в должности кандидатов, избранных губернатором или предложенных предводителем дворянства. Если министр внутренних дел не утверждал кого-либо из предложенных кандидатов, то он предлагал губернатору избрать другое лицо. При недостатке местных потомственных дворян, имевших право быть избранными земскими начальниками, министр внутренних дел мог назначить на оставшиеся незанятые должности дворян с высшим или средним образованием из других губерний¹⁰. Министр внутренних дел мог разрешить земскому начальнику при утрате им соответствующего имущественного ценза сохранить свою должность¹¹. Земские начальники не могли иметь других должностей по государственной или общественной службе, исключением являлись почетные должности в местных образовательных и религиозных заведениях и звание глас-